

Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Археологическое изучение Новгородского кремля: проблемы, гипотезы, доказательства

М. А. Родионова¹

Аннотация. Цель этой статьи — обозначить имеющиеся на сегодняшний день наиболее значимые проблемы и гипотезы относительно археологического изучения Новгородского кремля (исходя из современного состояния источниковедческой базы) и определить принципиальные вопросы для будущих исследований кремля, касающихся, в первую очередь, его ранней истории.

Annotation. The goal of the present article is to indicate the most significant current problems and hypotheses concerned with archaeological investigations of the Novgorod Kremlin (considering the present state of the source study base) and to define principal problems for future investigations concerned primarily with its early history.

Ключевые слова: Новгородский кремль, христианский центр, Софийский собор, княжеская резиденция, крепостные сооружения.

Keywords: Novgorod Kremlin, Christian centre, St Sophia cathedral, princely residence, defensive installations.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-160-172

Кремль (детинец) занимает особое место в истории средневекового Новгорода. Он неразделимо связан и с проблемой происхождения города, и со всеми дальнейшими этапами его развития. Появление детинца в качестве внутренней городской крепости (цитадели) явилось завершающим шагом в процессе формирования городского центра на берегах Волхова. В последующие периоды наряду с ростом и развитием города происходила трансформация укрепленного ядра детинца, который превратился в градообразующую структуру, став его топографическим, административным, религиозным, культурным, военно-оборонительным центром и представляя собой нераздельный комплекс фортификационных, церковных и гражданских сооружений.

Археологическое изучение Новгородского кремля продолжается на протяжении уже более ста лет, начиная с первых попыток проникновения

в его культурные напластования, предпринятых в последней четверти XIX в. Н. Г. Богословским и В. С. Передольским. Однако за это время исследована незначительная часть кремлевской территории. Большая часть этих исследований имела разведочный или охранный характер, они велись малыми площадями и были связаны, в основном, с реставрацией памятников архитектуры и строительной деятельностью по прокладке инженерных коммуникаций. В сопоставлении с изученностью городской территории Новгорода, раскопки которой ведутся уже более 80 лет и в результате чего накоплен огромный материал для изучения истории города (многие темы и вопросы изучены достаточно широко), следует констатировать, что кремль не подвергался такому систематическому исследованию.

Кремль — разновременный и многослойный памятник архитектуры и археологии. В состав этого комплекса входят культурные отложения, остатки архитектурных, фортификационных, инженерно-хозяйственных сооружений, вещевой материал, а также все иные следы человеческой деятельности. Многократные перестройки укреплений, различные планировочные работы,

¹ Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (ЦОАИ НГОМЗ); ул. Ильина, д. 26, Знаменское подворье, г. Великий Новгород, 173000, Россия.

строительство каменных построек донесли до нас сложную стратиграфическую картину, значительно повлиявшую на характер археологического материала с территории кремля, который существенно отличается от того, что происходит из раскопок в других частях Новгорода. В первую очередь, это касается как состава культурных отложений, так и их мощности, которые не всегда соответствуют классическому описанию новгородского культурного слоя.

Степень изученности составляющих частей кремлевского комплекса (архитектурные объекты, фортификации, культурные отложения) различна. В большей степени археологически исследованы стены и башни каменного детинца и отдельные памятники архитектуры, что было связано с практическими реставрационными задачами, особенно в период научной реставрации кремля, впервые проводившейся в 1950–1960-е гг. Значительно меньше исследованы укрепления деревянного детинца и культурные отложения на внутренней территории кремля.

Указанные обстоятельства — неравномерная археологическая изученность различных объектов кремлевского комплекса и недостаточная археологическая изученность его территории в целом — являются причиной того, что многие вопросы кремлевской истории до сих пор остаются нерешенными. В первую очередь, это касается ее раннего этапа, в виду практически полного отсутствия сведений об этом периоде в письменных источниках. В данном случае может помочь только археология.

Разработанная в свое время А. С. Хорошевым (*Хорошев*, 1984) и использованная затем С. В. Трояновским (*Трояновский*, 1995; 2001) периодизация историографии Новгородского кремля строилась на учете таких факторов, как: а) состояние источниковедческой базы применительно к каждому периоду историографии; б) традиции предшествующего развития исторической науки; в) основная проблематика; г) развитие методологических принципов; д) общественный интерес. В целом существующая до настоящего времени схема историографической периодизации Новгородского кремля, представляющая достаточно полно основные этапы и динамику развития источниковедения и методологии его изучения (метод комплексного источниковедения), может использоваться при дальнейших исследованиях этого памятника, но требует корректировки его

третьего этапа, который заканчивается 90-ми гг. прошлого столетия (а начинается в 1979 г. раскопками А. Н. Кирпичникова). На наш взгляд, выделять почти два десятилетия XXI в. в отдельный этап в истории изучения кремля нет оснований, поскольку перед исследователями стояли те же проблемы и нерешенные научные задачи, о которых речь пойдет дальше. Исследования, в первую очередь архитектурно-археологические и археологические, как и в предыдущий период, в основном были связаны с реставрацией памятников архитектуры и прокладкой инженерных коммуникаций, то есть диктовались практическими задачами. Тем не менее благодаря этим исследованиям произошло значительное накопление археологических источников по кремлю, которое, по нашему мнению, приводит к необходимости рассмотрения общего контекста развития исторической топографии, планировки и материальной культуры Новгородского кремля с учетом новых археологических данных.

Цель настоящей статьи — обозначить имеющиеся на сегодняшний день наиболее значимые проблемы и гипотезы относительно археологического изучения кремля (исходя из современного состояния источниковедческой базы), определить принципиальные вопросы и поставить задачи для будущих исследований кремля, касающихся, в первую очередь, его ранней истории.

Основополагающий вопрос, который ставили перед собой все исследователи, занимавшиеся историей Новгорода, — вопрос о происхождении города и его связи с детинцем (кремлем). На протяжении длительного времени, начиная с середины XIX в., когда в литературе по историографии Новгорода только появились аналитические интерпретации на эту тему (*Красов*, 1851), эта проблема искала разрешения, но не могла быть решена, поскольку исследователи опирались, главным образом, на летописные сообщения, краткие и часто противоречивые, которые уводили их по ложному пути, соблазняя загадочным названием Новгород и заставляя искать предшественника на роль старого города порой в очень удаленных местах (например, в Ладогe). Временем основания города, согласно летописному сообщению о призвании варяжских князей, когда впервые упоминается Новгород, считается 859 г. (по другой версии — 862 г.) (НПЛ, 1950. С. 106–107).

«Археологические раскопки Новгорода, развернувшиеся с начала 1930-х гг. XX в., внесли

особую остроту в изучение вопросов становления города. Дело в том, что стремление отыскать в Новгороде слои, синхронные древнейшим сообщениям письменных источников, натолкнулось на неожиданные трудности: таких слоев найти не удалось, хотя исследователи закладывали раскопы в тех частях города, которые казались им наиболее перспективными в этом отношении» (*Носов и др.*, 2017. С. 27). До настоящего времени (за 86 лет непрекращающихся раскопок города) слоев ранее 930–940-х гг. (датировка древнейших построек на Троицком раскопе — *Фараджева и др.*, 2014. С. 134–158, табл. 1) на территории самого Новгорода не обнаружено. Но за последние 40 лет (с 1975 г.), благодаря систематическим раскопкам Рюрикова городища, проводившимся Е. Н. Носовым, этот памятник исследован досконально. Материалы этих исследований, практически полностью опубликованные, проливают свет на многие вопросы начальной истории Новгорода. Е. Н. Носов, с присущей ему тщательностью в научных практических исследованиях, глубиной и гибкостью в аналитических выводах, опираясь не только на свой огромный исследовательский материал, но привлекая имеющиеся археологические, исторические, лингвистические данные по этому вопросу, в последней публикации материалов Рюрикова городища предложил свое видение относительно вероятной схемы развития поселения в верховьях Волхова как претендента на древнейший Новгород (*Носов и др.*, 2017). На сегодняшний день это самая серьезная аргументированная гипотеза. Предложенная схема развития на данный период разработки вопроса выглядит следующим образом: 1) древнейшее поселение словен Холмгород (трактовка его названия на скандинавский манер *Holmgardr*); 2) в середине IX в. устройство Рюриком новых укреплений на его месте и появление топонима Новый город с постепенным охватом им всей территории застройки микрорайона; 3) в середине XI в. строительство очередной крепости вокруг формирующегося церковного центра и появление топонима Городище в отношении места старого городка (бывшего Холмгорода и древнейшего Новгорода). Важнейшей задачей археологии ближайших лет, которую определил Е. Н. Носов, будут являться поиски доказательств существования Холмгорода до строительства крепости Рюрика, а определенные археологические факты, по мнению исследователя, для этого есть (*Носов и др.*, 2017. С. 33).

Строительство детинца представляется завершающим шагом в процессе становления городского центра у истоков Волхова. Древнейшее летописное известие об этом относится к 1044 г., когда князь Владимир Ярославович «...заложил Новгород и сделал его» (НПЛ, 1950. С. 181). Появление новой крепости к этому времени подготовлено ходом предшествующих событий.

К середине X в. в 2 км от княжеской резиденции (Рюрикова городища) вниз по течению Волхова на обоих его берегах начали осваиваться удобные для заселения возвышенные места, о чем свидетельствуют археологические материалы раскопок с территории древнейших городских концов: Славенского, Неревского, Людина. Во второй половине X в. эти новые поселки и княжеская резиденция развивались параллельно (*Носов и др.*, 2017. С. 27).

В конце X в. при князе Владимире Святославовиче происходит важнейшее событие — Русь принимает христианство. На берегах Волхова вслед за Киевом происходит замена пантеона языческих богов христианским культом. Сюда, согласно летописи, в 989 г. был направлен епископ Иоаким Корсунянин (989–1030 (?)), один из первых иерархов, призванных князем Владимиром из Византии для крещения Руси (НПЛ, 1950. С. 160, 551). Прибывший с княжеской дружиной епископ разрушил языческие капища, свергнул статую Перуна в Перыни и крестил местное население. Для новых христианских святынь было выбрано новое место — возвышенный участок на левом берегу Волхова, располагавшийся как раз в центре между заселенными холмами к северу, югу и западу от них. На этом месте, как свидетельствуют летописи и письменные источники XIX в., при епископе Иоакиме Корсунянине в 989 г. появляются первые христианские храмы: домовая каменная церковь Иоакима и Анны и 13-главая дубовая София (ПСРЛ, 1841. С. 208; *Амвросий*, 1809. С. 171; *Макарий*, 1860. С. 40; ПСРЛ, 1856. С. 155). Тем самым здесь был сформирован христианский центр.

Постепенно противостоявшие княжеской резиденции поселки славянской знати к рубежу X–XI вв. переняли значительную часть экономических и административных функций прежнего центра (*Носов и др.*, 2017. С. 27). Если княжеская резиденция, по мнению Е. Н. Носова, — это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с полиэтничным населением, то новые поселения вокруг

христианского комплекса — это уже центр северной части Русского государства (*Там же*. С. 27).

В начале XI в. князь Ярослав перенес свою резиденцию и расположил ее на окраине Славенского холма близ торгового центра, одного из центров новых поселений на правом берегу Волхова. На протяжении первой половины XI в. княжий двор располагался там, а, как показали археологические исследования, именно в этот период на Рюриковом городище прослеживается снижение интенсивности жизни.

Таким образом, формирование христианского центра на одном берегу и расположение княжеской резиденции на другом, явились важнейшими предпосылками для завершения процесса формирования города в верховьях Волхова. Этот процесс происходил в общем русле исторического развития Древней Руси. Для завершения процесса не хватало общей городской крепости. Термин «город» в Древней Руси обозначал как населенный и административный пункт, так и укрепленный пункт, крепость (*Раппопорт*, 1956. С. 20). Крепость старой княжеской резиденции уже не могла выполнять такие задачи, оборонительные укрепления там перестали функционировать на рубеже IX–X вв. Появление общегородской крепости (детинца) на левом берегу Волхова — это не только вопрос о соотношении новой крепости и старой городищенской, а прежде всего вопрос о появлении нового центра государственной власти с ее важнейшими институтами. Особенности политической власти средневекового Новгорода рассмотрены в фундаментальной работе В. Л. Янина «Новгородские посадники» (*Янин*, 2003). По его мнению, краеугольным камнем всей новгородской государственности, заложенным уже в самый ранний период его истории, являлось договорное условие, одним из главнейших пунктов которого стало решительное ограничение княжеской власти (*Янин*, 2003. С. 67). Возникший институт посадничества, являвшийся высшей формой местной власти, и постепенно увеличивавшийся вес церковных иерархов существенно ограничивали власть новгородских князей. В последней четверти XI в. в городе происходят события (выборность посадников), свидетельствующие об ослаблении княжеской власти. Князья вынуждены были вернуться в старую княжескую резиденцию, сохранив за собой право на Ярославово дворище. Но в середине XI в. именно князь инициирует строительство новой крепости,

расположение его двора рядом позволяет контролировать эту работу. Одновременно в 1045 г. князь Владимир закладывает каменный Софийский собор (НПЛ, 1950. С. 181). Представляется логичным, исходя из летописных дат, что строительство детинца и Софийского собора было единым спланированным мероприятием молодого и энергичного князя Владимира Ярославича. Если Софийский собор был возведен за пять лет, то укрепления детинца сооружались, вероятно, на протяжении более длительного времени.

После сооружения укреплений детинца происходят важнейшие изменения в топографической ситуации. С появлением общегородской крепости формируется центр планировочной структуры города, а сердцевиной этого центра становится кафедральный Софийский собор. Если Софийский собор, простоявший почти тысячу лет, является подтверждением достоверности летописных сообщений, то многие вопросы относительно детинца остаются открытыми.

Вопрос 1: существовали ли более ранние укрепления X в. до сооружения крепости в 1044 г.?

При ответе возникает встречный вопрос: а были ли в X в. предпосылки для появления более ранней крепости? Процесс формирования города только начинался, и на это требовалось время. Имеющиеся на сегодняшний день археологические материалы свидетельствуют о том, что заселение древнейших поселков на территории будущего города началось в 30–40-х гг. X в. (Неревский и Троицкий раскопы), а на территории кремлевского холма в 50–60-х гг. X в. Предпосылки для сооружения общегородской крепости, из которых одной из важнейших явилось принятие христианства в 80-х гг. X в. и формирование христианского центра, появились значительно позже (об этом сказано выше).

Тем не менее, относительно существования более ранних укреплений на кремлевском холме высказывались в свое время различные мнения. Предположения были основаны, главным образом, на древней топографии. Для местоположения древних укреплений топографические условия были определяющими. По рельефу этим условиям более соответствовала северная часть кремлевского холма, ограниченная с юга большим оврагом-ручьем (русло этого оврага, пересекавшего территорию кремля с запада на восток, до сих пор читается в современном рельефе) и, в свою очередь, возможно, разделенная на два островка

двумя оврагами-протоками. На среднем островке, образованном двумя руслами протоков Волхова, примерно между Владимирской и Пречистенской башнями, по предположению Г. М. Штендера, существовали более древние укрепления (*Штендер*, 1987. С. 64–66). Его предположения основывались на том, что при раскопках в Никитском корпусе был найден северный склон оврага, который проходил в направлении от Златоустовской башни к Владимирской башне (*Там же*. С. 64–66). На карте палеорельефа этот овраг не читается, но на карте геолого-литологического разреза современного кремля в его северной части прослеживается впадина (дно впадины находится на одном уровне с ложем кремлевского рва) (*Петрова и др.*, 1999). Происхождение этой впадины до сих пор неясно. Появившиеся недавно в Государственном архиве Новгородской области документы личного архива П. А. Мартынова о довоенных раскопках в кремле (в том числе о раскопках 1940 г. в северной части кремля), к сожалению, не пролили свет на этот вопрос. В раскопе № 3 к востоку от Никитского корпуса было зафиксировано падение глинистого слоя в восточном направлении, но склон ли это оврага или насыпной слой, осталось невыясненным (*Строков*, 1940). Археологически существование этого оврага в северной части детинца пока не доказано. Это можно было бы выяснить при проведении раскопок большой площадью к востоку от Никитского корпуса, но появление здесь недавно деревянной часовни на бетонном основании исключает такую возможность в будущем. Невыясненным остается вопрос о существовании еще одного оврага в северной части кремлевского холма. М. Х. Алешковский, исследуя фундаменты Владимирской башни в 1960 г., отмечал, что юго-восточный угол башни «покоится на засыпке какого-то овражка X–XI вв., находившегося на самом берегу Волхова» (*Алешковский*, 1960. С. 60). В. Л. Янин размещал древнейшую крепость в северо-западном секторе современного кремля, исходя из общей топографической ситуации Софийской стороны (главная улица Неревского конца была направлена именно сюда) (*Янин*, 1982. С. 82–83). Другие исследователи также считали, что до крепости 1044 г. существовали более древние укрепления — это «град», который предшествовал Владычному двору (*Кирпичников*, 1995. С. 87); что территорию Владычного двора в X в., естественно, защищали крепостные стены (*Гордиенко*, 1991. С. 11–12); что крепости 1044 г.

предшествовала небольшая ограда Владычного двора конца X в. (*Алешковский, Красноречьев*, 1970. С. 62, 72; *Гринев*, 1988. С. 58–59). Как видим, все предположения были связаны исключительно с Владычным двором, который, по сложившемуся представлению, размещали там, где он располагается в настоящее время, то есть в северо-западной части детинца. В данной ситуации совершенно справедливо замечание Н. Н. Гринева о том, что размещавшийся в северной части кремлевского холма христианский центр, включавший Владычный двор и Софийский собор, возможно, и был укреплен, но не являлся городской крепостью.

Если предположить, что какие-то укрепления на кремлевском холме предшествовали крепости 1044 г. и следы их будут когда-нибудь обнаружены, то следует отметить одно важное обстоятельство — они не являлись тем, чем стала новая общегородская крепость с ее новым статусом. Пока нет никаких археологических доказательств существования укреплений X в. на территории кремля. Последние раскопки О. М. Олейникова в 2013 г. между Митрополичьей башней и Воскресенской аркой (исключительно важное место для исследований), к большому сожалению, не внесли никакой ясности по этому вопросу. Нет убедительных доказательств относительно датировки укреплений X в. Автор сам не уверен в правильности своих выводов (ров X в. или ров 30-х гг. XI в.), меняя их в разных публикациях (*Олейников*, 2014. С. 50–61; *Олейников, Долгих*, 2016. С. 29–42). Также неубедительны доводы относительно оборонительных укреплений первоначального детинца, датированных им первой половиной X в., которые якобы обнаружены в шурфах в районе Софийской звонницы и церкви Входа Господня в Иерусалим (*Олейников, Долгих*, 2016. С. 29–42). В последнее время О. М. Олейников пересмотрел свои выводы о ранних датировках детинца, признав их недоказанность.

Вопрос 2: где располагалось древнейшее ядро детинца?

Ответ на предыдущий вопрос уже указывает на то, что древнейшее ядро детинца располагалось в северной части современного кремля. В свое время С. Н. Орлов считал, что в южной части кремля имеются следы «какого-то городского центра X века: мощный земляной вал с примитивными конструкциями из дерева и место, где стояла дубовая София» (*Орлов, Воробьев*, 1959. С. 5), а «первоначальный вал был насыпан здесь в самый

ранний период существования города» (Орлов, 1965. С. 6). Однако «давний спор относительно местоположения кремля XI в. — находился ли он в северной или южной половине нынешнего — окончательно решен раскопками М. Х. Алешковского 1956–1960 гг. и А. Н. Кирпичникова 1979 г. в пользу его северной половины» (Янин, 1982. С. 79). Эту точку зрения в настоящее время разделяют все исследователи, занимающиеся историей Новгорода.

Вопрос 3: время заселения кремлевского холма?

Археологические материалы свидетельствуют о том, что территория кремлевского холма была заселена еще до появления укреплений детинца. Слои разной степени сохранности и мощности, относящиеся к первоначальному периоду освоения этой территории, отмечались во многих местах в северной части современного кремля. Самые мощные ранние слои вскрыты под валом детинца в раскопах 1985 г. (Воронова, 1988. С. 73–75) и 1996 г. (Трояновский и др., 1997. С. 12–18) у Лихудова корпуса.

В раскопе 1985 г. под вальной конструкцией выявлен нетронутый слой темно-коричневого гумуса со щепой толщиной около 70 см с остатками деревянной постройки, поставленной непосредственно на материке и датируемой дендрохронологическим методом 50–60-ми гг. X в.² Находки, происходящие из слоя под валом и из заполнения постройки датируются X — серединой XI в.

В раскопе 1996 г., примыкавшем с востока к раскопу 1985 г., мощность древнейших культурных отложений составляла до 80 см. В этих слоях обнаружен аналогичный предматериковый комплекс. Он представлен остатками срубной постройки, выгребной ямой и вымосткой, относящимися к самому раннему периоду освоения этой территории³. Находки указывают на вторую половину X в.

Культурный слой меньшей мощности (25–30 см) под валом детинца был обнаружен М. Х. Алешковским в раскопе у Владимирской

башни (раскоп IX–1957 и IX–1959). Комплекс находок позволил М. Х. Алешковскому датировать ранний слой под валом X — первой половиной XI в. (Алешковский, 1957; 1959; 1962. С. 7–11).

Архитектурно-археологические исследования в Софийском соборе, проводившиеся А. А. Монгайтом, М. Х. Алешковским, Г. М. Штендером, Вл. В. Седовым, выявили ранний «дософийский» слой мощностью от 2 до 50 см. Из находок, сопутствующих этому слою, отмечалась только керамика (Монгайт, 1946–1948. С. 1–42; Алешковский, 1956. С. 18–26, 29–34; Штендер, 1966; Седов, 1999–2000. С. 5–6, 13–16, рис. 1, 12–14, 27, 33–34).

На Кремлевском раскопе 2008–2010 гг. у Владычной (Грановитой) палаты ранние слои представлены комплексами в материке, которые на основании результатов радиоуглеродного анализа и некоторых находок датируются в пределах второй половины X — первой половины XI в. (Новгородский детинец ..., 2017. С. 227).

Ранний стратиграфический комплекс, датированный по находкам X–XI вв., был выявлен в раскопе 1995 г. у Софийской звонницы (Трояновский, 1998. С. 66).

Как мы видим, археологические материалы фиксируют в северной части современного кремля наличие культурных отложений, связанных с первыми поселенцами кремлевского холма, появившимися здесь примерно в середине X в. Что касается южной части детинца, обнаруженные здесь в результате довоенных раскопок предматериковые слои были датированы авторами исследований концом X в. (датировки базировались на стратиграфии и находках) (Строков и др., 1939. С. 3–17; Строков, Богусевич, 1940. С. 3–18; Строков, 1945. С. 65–73). Культурный слой под насыпью вала обнаружен и при раскопках М. Х. Алешковского и А. Н. Кирпичникова в южной части кремля (Алешковский, 1962. С. 12; Кирпичников, 1995. С. 78). М. Х. Алешковский датировал слой под валом по находкам X–XII вв. (Алешковский, 1962. С. 15).

Уточнение датировок первоначального этапа заселения как северной, так и южной части детинца — это задача будущих исследований. На данный момент мы имеем несколько ранних дендродат, относящихся к 50–80-м гг. X в. (постройка под валом в раскопе 1985 г. у Лихудова корпуса — 955 г.; деталь вымостки — 956 г., столб — 971 г.⁴

² Первоначально А. Ф. Урьевой датированы только два образца из шести (№ 85–16 — 962 г.; № 85–18 — 963 г.) (Воронова, 1988. С. 75). По уточненной датировке О. А. Тарабардиной постройка из раскопа 1985 г. сооружается около 955 г. (ранее не датированные образцы получили следующие даты: № 85–14 — 954 г.; № 85–15 — 955 г.; № 85–17 — 954 г.; № 85–19 — 955 г.). Эти данные любезно предоставлены О. А. Тарабардиной.

³ Уточненная датировка О. А. Тарабардиной: образец № 96–27, деталь вымостки, датируется 956 г.

⁴ Уточненная датировка О. А. Тарабардиной: образец № 95–24, столб — 971 г.

в раскопе 1996 г. у Лихудова корпуса; деталь сооружения (возможно, венец сруба) в шурфе 2015 г. у Владимирской башни — 984 г.⁵) и радиоуглеродные датировки ранних комплексов Кремлевского раскопа 2008–2010 гг. с широким временным диапазоном (в пределах второй половины X — первой половины XI в.), а в основном ранние слои имеют относительную датировку, базирующуюся на стратиграфии и находках. Вполне вероятно, что первоначальное заселение северной и южной частей детинца происходило одновременно с освоением территорий Неревского и Людина концов, то есть в первой половине X в., но это могут выяснить только будущие археологические исследования.

Если говорить о перспективах поиска ранних слоев на территории современного кремля, то, как показывают археологические исследования, лучше всего они сохранились под валом. На внутренней территории детинца эти слои (это относится в первую очередь к северной его части) в большей степени пострадали от различных перепланировок, особенно в тех местах, где появлялись каменные постройки. Подтверждением тому является незначительная мощность ранних слоев, обнаруженных при исследованиях Софийского собора, и практически полное отсутствие таких слоев под Владычной (Грановитой) палатой (Антипов, 2006; 2007; 2009; Антипов, Жервэ, 2008). Значительно больше перспектив выявить ранние слои на внутренней территории южной части детинца (свободной на сегодняшний день от каких-либо построек), которая в древности являлась частью Людина конца. Масштабные довоенные раскопки выявили наличие здесь достаточно мощных культурных отложений. Но, к сожалению, планы по археологическому изучению этой части кремлевской территории не были завершены (помешала война), а материалы этих исследований были опубликованы лишь частично, большая их часть (в том числе и находки) не сохранилась. Поэтому существует необходимость продолжения археологических раскопок в южной части детинца в настоящее время, которые могли бы разрешить многие научные задачи.

Вопрос 4: что представляла собой древнейшая крепость 1044 г.?

Неоспоримым археологическим фактом является то, что древнейшая крепость возникла на

уже освоенной территории кремлевского холма. В северной части современного кремля неоднократно фиксировались дерево-земляные укрепления. Наиболее полными и достоверными являются результаты раскопок 1957, 1959, 1960 гг. М. Х. Алешковского у Владимирской башни (раскопы IX–1957, IX–1959, VI–1960). В этом месте получен поперечный разрез вала и выявлена его внутренняя конструкция. Вал состоял из дубовых городней, поставленных в его основании и засыпанных землей, и слоя чистой глины поверх городней, добытой при сооружении рва (Алешковский, 1962. С. 10). Подобные городни были вскрыты в раскопе 1985 г. и в раскопе 1996 г. у Лихудова корпуса. Верхние части конструкции вала в виде дубовых городней фиксировались в шурфах Б. К. Мантейфеля у здания Судного и Духовного приказов (1947 г.), в шурфе № 1 раскопа М. Х. Алешковского на Владычном дворе (1958 г.), в шурфе Г. М. Штендера у северного фасада Никитского корпуса (1970 г.), в шурфах № 1–2 В. А. Понсова (1980–1981 гг.) (Мантейфель, 1947; Алешковский, 1958; Штендер, 1970; Понсов, 1981).

Вал, вскрытый у Владимирской башни, М. Х. Алешковский датировал 1044 г. на основании следующих причин: 1) «Вал, под которым найдены керамика и различные вещи, относящиеся к X–XI векам, следует датировать XI веком. Некоторые особенности срубной конструкции позволяют сблизить этот вал с валом «города Ярослава», построенным в 1037 году в Киеве»; 2) «Описанный вал следует датировать 1044 г., так как в XI веке летопись не отмечает больше строительства детинца» (Алешковский, 1962. С. 10–11).

Действительно, в летописях нет сообщений о существовании более ранних укреплений, а на исследованных участках под городнями вала, поставленными на культурный слой X–XI вв., нет следов предшествующих укреплений. Датировка находок из заполнения городней вала в раскопах 1985 г. и 1996 г. у Лихудова корпуса также укладывается в пределы X–XI вв. В раскопах М. Х. Алешковского у Владимирской башни в засыпке городней находки не встречались. Косвенным доказательством может служить отсутствие слоев X — первой половины XII в. (только комплексы в материке) на Кремлевском раскопе 2008–2010 гг. у Владычной (Грановитой) палаты, которое можно предположительно связать с тем, что эти слои были срезаны при сооружении укреплений и

⁵ Уточненная датировка О. А. Тарабардиной: образец № 15–15, деталь сооружения — 984 г.

последующих перепланировках территории детинца (Новгородский детинец ..., 2017. С. 229).

Казалось бы, археологический материал и стратиграфические соотношения между ранними слоями и валом детинца логично укладываются в хронологические рамки X — середины XI в., но до сих пор время сооружения и конструктивные особенности дерево-земляных укреплений Новгородского детинца остаются предметом дискуссии для исследователей.

Одной из главных проблем в решении этих вопросов является отсутствие датировок дубовых конструкций вала, поскольку окончательно не разработана абсолютная дендрохронологическая шкала датировки дуба. В Центре по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника этим вопросом в настоящее время успешно занимается О. А. Тарабардина. Использование радиоуглеродного датирования дает слишком широкие калиброванные интервалы, что для коротких исторических периодов не всегда применимо. Таким образом, разработка методов датировки вальных конструкций — одна из важнейших задач на ближайшее будущее.

В свою очередь, конструктивные и технологические особенности дерево-земляных укреплений в северной части детинца исследованы недостаточно, что также не способствует ясности картины. Так, устройство городней, выявленных в раскопах у Лихудова корпуса и у Владимирской башни, сходно, с той только разницей, что в раскопах М. Х. Алешковского в нижней части глиняной засыпки вала залегал слой тонких неперевазанных лежней. По мнению М. Х. Алешковского, лежни могли служить для выравнивания строительной площадки после засыпки городней земель (Алешковский, 1959. С. 9; 1962. С. 10). В раскопах у Лихудова корпуса слой тонких лежней над городнями не зафиксирован, возможно, он был уничтожен при сооружении здания XV в. (Новгородский детинец ..., 2017. С. 230).

Раскопки А. Н. Кирпичникова 1981 г. у Владимирской башни выявили, что каменная кремлевская стена XIV–XV вв. стоит на валу, по его предположению, начала XII в. (Кирпичников, 1995. С. 84). А. Н. Кирпичников датировал вал XII в., основываясь, вероятно, на различии деревянных конструкций: городней древнейшего вала, обнаруженного М. Х. Алешковским у Владимирской башни и датированного им XI в., и рядов поперечно

лежащих дубовых бревен во вскрытой части вала, выявленных самим А. Н. Кирпичниковым, а также на аналогии с конструкциями вала в южной части кремля. Как упоминалось выше, М. Х. Алешковский не считал городни и лежни разновременными частями. Если принять датировку А. Н. Кирпичникова, то получается, что при расширении территории детинца в 1116 г. в его северной части, где были древнейшие укрепления, также проводились какие-то работы по реконструкции вала. Пока нет достаточных доказательств, чем объясняются конструктивные различия в устройстве укреплений — технологическими особенностями или временным разрывом, и нельзя утверждать, что различия между городнями и лежнями, выявленные в северной древнейшей части детинца, свидетельствуют об их разновременности. Эти вопросы до конца не выяснены.

В 2015 г. О. М. Олейников внес свой вклад в изучение кремлевских фортификаций и заложил шурф на месте раскопа IX–1959 М. Х. Алешковского у Владимирской башни снаружи крепостной стены. В итоге он увидел «хронологический» разрыв и два этапа сооружения конструкций вала на основании различия в толщине дубовых бревен городней (Олейников, Долгих, 2016. С. 29–42). Более мощные бревна внешнего сруба городней были отнесены им к первому этапу и датированы со ссылкой на похожее дубовое бревно вторичного использования из засыпки (1044 г.?) рва второй четверти XI в., радиоуглеродная дата которого имеет широкий калиброванный интервал 864–976 гг. (Там же. С. 35). Такое сравнение не может служить серьезным доказательством. Для датировки второго этапа были взяты два образца древесины из раскопок М. Х. Алешковского (дубовые городни из экспозиции Новгородского музея-заповедника) и исследованы методом ускорительной масс-спектрометрии (г. Афины, США) (Там же. С. 38–40). В итоге была получена УМС радиоуглеродная дата с узким калиброванным моделированным интервалом 16 и 32 года (1018–1034 г.; 68,2 %). Вывод О. М. Олейникова: «2-й этап сооружения оборонительной линии северной части Новгородского детинца в районе Владимирской башни можно датировать как минимум первой четвертью XI в., а как максимум привязывать к летописной дате 1044 г.» (Там же. С. 40). Все встало обратно на свои места и не стоило отделять толстые бревна от тонких. М. Х. Алешковский в отчете подробно описывает

конструкции и засыпку вала и, в частности, отмечает: «В отличие от раскопа IX–57 г., где основные срубные конструкции лежат ниже глиняной засыпки, здесь все лежни крайнего сруба лежат в глиняной засыпке, что еще раз подтверждает одновременность нижнего и верхнего яруса этого вала» (Алешковский, 1959. С. 7–8). Вскрытые у Владимирской башни городни и засыпка вала не вызвали у М. Х. Алешковского сомнений в том, что это одновременные сооружения.

Другой вывод делает С. В. Трояновский по результатам исследований 1996 г. у Лихудова корпуса (Трояновский, 1996; Трояновский и др., 1997). Он считает, что дубовые городни были частью самостоятельного сооружения, а именно деревянной оборонительной стены, а глиняный массив представлял собой следующий этап функционирования укреплений (Трояновский, 1998. С. 60). Если это отдельная стена, то возникают вопросы относительно слишком больших ее размеров. Общая ширина в поперечнике деревянной конструкции вала у Владимирской башни составляла 29 м (Алешковский, 1962. С. 10). Ширина вскрытой части срубной конструкции вала у Лихудова корпуса — около 10 м. Если такая же часть находится под кремлевской стеной и за ее пределами, то общая ширина деревянной конструкции в поперечнике в этом месте будет примерно такой же, как у Владимирской башни. Какой же высоты должна была быть стена при такой ширине сооружения? Аргументами в пользу существования дубовой стены как самостоятельного сооружения, по мнению С. В. Трояновского, служат следы ремонта и разборки городней, но здесь также есть спорные моменты (Новгородский детинец ..., 2017. С. 228–229). В целом альтернативная гипотеза С. В. Трояновского о формировании Новгородского детинца вызывает слишком много вопросов, а самое главное — она не дает ответа на основной вопрос: почему общегородская крепость появилась, в соответствии с этой гипотезой, так поздно, только в начале XII в., что не вписывается в общее русло происходившего в конце X–XI вв. процесса формирования городов на территории образовавшегося единого древнерусского государства.

Что можно сказать о границах древнейшего детинца? Следы его археологически достоверно зафиксированы в северной части современного кремля: у Лихудова корпуса (Понсов, 1980–1981 гг.; Воронова, 1985 г.; Трояновский, 1996 г.); у Митрополичьей башни (Мантейфель, 1947 г.);

на участке между Митрополичьей и Федоровской башнями (Алешковский, 1958 г.); у Владимирской башни (Алешковский, 1957, 1959, 1960 гг.); на участке между Федоровской и Владимирской башнями (Штендер, 1970 г.). Карта палеорельефа показывает, что в древности кремлевский холм с юга и юго-запада окружал глубокий овраг (его направление — к югу от здания Лихудова корпуса и далее к понижению у Боярских водяных ворот). Линия древнейших укреплений, проходящая под каменными стенами кремля на участке от Владимирской до Митрополичьей башни, у Лихудова корпуса меняет направление (здесь она расположена под углом 30° к существующей кремлевской стене) и далее, следует предполагать, была ориентирована по краю оврага. Но на этом участке нет внятных следов древнейших укреплений детинца. Отдельные дубовые бревна фиксировались В. С. Передольским и В. Д. Евреиновым при строительстве памятника «Тысячелетие России» и Н. А. Чернышевым у Епархиального дома (Передольский, 1910. С. 11; Евреинов, 1860; Чернышев, 1956). Но это не может служить серьезным доказательством локализации южной линии укреплений. По нашему представлению, отдельные бревна могли остаться от разборки древнейшего детинца при расширении его границ. Вероятнее всего, перечисленные наблюдения фиксируют не южную границу древнейших укреплений детинца, а отмечают следы, оставшиеся от его разборки. Подобные следы разборки отмечал М. Х. Алешковский в раскопе между Златоустовской башней и Воскресенской аркой. Что касается восточной линии укреплений, то выше уже говорилось о выявлении городней у южной стенки Владимирской башни (Алешковский, 1960 г.). На основании этих исследований можно предполагать, что восточная трасса древнейшего детинца проходила немного ближе к береговой линии, а в целом его траектория определялась условиями рельефа.

По имеющимся археологическим данным на настоящий момент можно сделать только два доказуемых вывода относительно древнейших укреплений в северной части современного кремля: 1) сохранились дерево-земляные конструкции вала; 2) они имеют некоторые конструктивные отличия (встречаются городни и лежни). Все остальные вопросы, касающиеся устройства укреплений детинца и их датировки, а также границ древнейшей крепости, остаются пока открытыми и требуют дальнейших исследований и доказательств.

В то же время археологические материалы не опровергают тот факт, что первоначальные укрепления детинца могли возникнуть не ранее середины XI в., в соответствии с сообщениями летописей, и датировка вала, исследованного М. Х. Алешковским в северной части нынешнего кремля, в таком случае представляется верной. Схема развития детинца в XI–XV вв., составленная им на основании археологических фактов и письменных источников, остается до сегодняшнего дня единственной серьезной гипотезой.

Вопрос 5: о расширении детинца в 1116 г.

Вальные конструкции в южной части кремля исследованы в большей степени благодаря раскопкам М. Х. Алешковского в 1956–1960-х гг. (у Дворцовой и Княжой башен, в прясле между Златоустовской башней и Воскресенской аркой) и А. Н. Кирпичникова в 1979 г. (между Дворцовой и Княжой башнями). В процессе этих исследований выявлены различия в структуре вала северной и южной частей детинца: если в северной части основу вала составляли срубные конструкции, то в южной — лежневые. Тело вала было прослоено рядами поперечных тонких лежней, не скрепленных друг с другом. Большая часть бревен — дубовые, среди них много бревен вторичного использования со следами врубок. Оба исследователя рассматривали вал с лежнями как единое сооружение и датировали его XII в. на основании летописной даты, комплекса находок, относящихся к X–XII вв., а также аналогий с крепостными укреплениями Польши (*Алешковский*, 1962. С. 15; *Кирпичников*, 1995. С. 78, 80).

В 1992–1993 гг. участок обрушения кремлевского прясла между Спасской и Княжой башнями был исследован Н. К. Стеценко, которая пришла к неоднозначному выводу по результатам своих раскопок: вал с лежнями и верхняя глиняная часть вала являются единым сооружением и относятся к XV в. (*Стеценко*, 1993. С. 18–28). Убедительных доказательств в пользу такой датировки представлено не было.

Можно сколько угодно спорить по поводу правомерности выводов того или иного исследователя, но решение вопроса о времени сооружения укреплений в южной части детинца, как и в северной, окончательно сдвинется только с появлением дендрохронологической шкалы по дубу для датировки деревянных конструкций вала.

Кроме того, многие другие вопросы относительно кремлевских фортификаций конструктив-

ного и технологического порядка остаются до конца нерешенными: соотношение различных частей деревянных конструкций вала и их заполнения (в ранних валах XI–XII вв.); соотношение валов детинца XI–XII вв. и фундаментов каменной крепости XIV–XV вв.; выявление строительных периодов.

Вопрос 6: уточнение исторической топографии кремля.

За годы археологических и архитектурно-археологических исследований в кремле многие археологические объекты получили более или менее точную локализацию (например, отдельные постройки деревянного и каменного Владычного двора; некоторые храмы: надвратная Владимирская церковь, церковь Входа Господня в Иерусалим, Борисоглебский собор; известно местоположение Воеводского и Пушечного дворов). Имеющиеся на сегодняшний день археологические материалы позволяют проследить динамику, этапы перепланировки и застройки на некоторых участках внутренней территории детинца в северной (Кремлевский раскоп 2008–2010 гг. у Владычной (Грановитой) палаты) и южной его частях (раскопы 1938–1939 гг. у Спасской башни), а также выявить определенную взаимосвязь перепланировок внутренней территории детинца с работами по сооружению укреплений детинца в разные периоды времени. Основными задачами будущих исследований кремля относительно исторической топографии должны стать вопросы, касающиеся не только месторасположения отдельных объектов (храмов, улиц, жилых и нежилых построек), но и выявление взаимосвязей развития кремлевской территории и планировочной структуры города. К таким принципиальным вопросам, например, относятся: выявление границ первоначальной крепости; локализация раннего Владычного двора и Околотка; соотношение разных частей кремлевской территории (северной владычной и южной, вобравшей в себя часть жилой застройки Людина конца, Владычного двора и Околотка).

В данной статье рассмотрены основные научные проблемы кремлевской археологии, а есть еще практические проблемы (реставрационные и технологические). В рамках настоящей публикации они не могут быть широко представлены, но решение их тесно связано с археологией. Таковыми являются проблема с гидрорежимом кремлевской территории, до сих пор не разрешенная, что

негативно сказывается на состоянии памятников архитектуры и культурного слоя, а также неотложная проблема, связанная со Спасской башней, причины деформации которой выяснились еще в 1979 г. (раскопки А. Н. Кирпичникова). Ныне состояние этой башни аварийное. В заключение

отметим, что в настоящее время отсутствует какая-либо обоснованная научная программа изучения Новгородского кремля, подобная той, которая осуществлялась в 1950–1960-х гг. Между тем необходимость в новой научной программе комплексного изучения кремля давно назрела.

- Алешковский*, 1956 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических разведках к проекту реставрации Новгородского кремля в 1956 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 1267. 1956.
- Алешковский*, 1957 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических раскопках и наблюдениях за земляными работами на территории Новгородского кремля в 1957 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 1672. 1957.
- Алешковский*, 1958 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических наблюдениях за земляными работами в Новгородском кремле в августе–сентябре 1958 г. (расчистка руин прясла стены между Федоровской и Митрополичьей башнями и зданий бывшего Владычного двора) // НОА ИА РАН. Р-1, № 1779. 1958.
- Алешковский*, 1959 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических раскопках на территории Новгородского Кремля в июне–августе 1959 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 1985. 1959.
- Алешковский*, 1960 — *Алешковский М. Х.* Отчет об археологических раскопках и наблюдениях за производством земляных работ на территории Новгородского Кремля в 1960 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 2086. 1960.
- Алешковский*, 1962 — *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. М.: Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1962. Вып. 14. С. 3–26.
- Алешковский*, *Красноречьев*, 1970 — *Алешковский М. Х.*, *Красноречьев Л. Е.* О датировке вала и рва новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории) // СА. 1970. № 4. С. 54–73.
- Амвросий*, 1809 — *Амвросий*, епископ Пензенский и Саратовский [Орнатский]. История российской иерархии. М.: Синодальная тип., 1809. Ч. I. 675 с.
- Антипов*, 2006 — *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях во Владычной (Грановитой) палате Новгородского кремля в 2006 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 36001. 2006.
- Антипов*, 2007 — *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях во Владычной (Грановитой) палате в г. Великом Новгороде в 2007 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 44468. 2007.
- Антипов*, 2009 — *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в г. Великом Новгороде в 2009 г.: в церкви св. Дмитрия Солунского на Славковой ул., на территории к западу от Софийского собора и во Владычной палате // НОА ИА РАН. Р-1, № 38259. 2009.
- Антипов*, *Жервэ*, 2008 — *Антипов И. В.*, *Жервэ А. В.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на площади к западу от Софийского собора и во Владычной (Грановитой) палате в г. Великом Новгороде в 2008 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 42316. 2008.
- Воронова*, 1988 — *Воронова М. А.* Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // НиНЗ ИА. Новгород: б. и., 1988. С. 73–74.
- Гордиенко*, 1991 — *Гордиенко Э. А.* Владычная палата Новгородского кремля. Л.: Лениздат, 1991. 104 с.
- Гринева*, 1988 — *Гринева Н. Н.* К вопросу о происхождении названия политического центра Новгородской земли // НиНЗ ИА. Новгород: б. и., 1988. С. 57–60.
- Евреинов*, 1860 — *Евреинов В. Д.* Профиль и описание шурфа на месте строительства памятника «Тысячелетию России» // РГИА. Ф. 207. Оп. 3. Д. 115. Л. 35, 41об., 42, 42об.
- Кирпичников*, 1995 — *Кирпичников А. Н.* Архитектурно-археологическое изучение Новгородского кремля // НИС. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. № 5 (15). С. 76–88.
- Красов*, 1851 — *Красов И. И.* О местоположении Древнего Новгорода. Новгород: Тип. Новгор. губ. правл., 1851. 182 с.
- Макарий*, 1860 — *Макарий*, (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М.: Тип. В. Готье, 1860. Ч. 1: [Древние церкви в Новгороде и его окрестностях]. 654 с.

- Мантейфель*, 1947 — *Мантейфель Б. К.* План и профили шурфов у Архиепископского дворца // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. № 753–755. 1947.
- Монгайт*, 1946–1948 — *Монгайт А. Л.* Отчет об археологических раскопках в Софийском соборе в гор. Новгороде в 1946–1948 гг. // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. Р-25. 1946–1948.
- Новгородский детинец ..., 2017 — Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Отв. ред.-сост. М. А. Родионова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 263 с.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 285 с.
- НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Олейников*, 2014 — *Олейников О. М.* Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (По материалам исследований 2013 года) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. Вып. 28. С. 50–61.
- Олейников, Долгих*, 2016 — *Олейников О. М., Долгих А. В.* Новые данные по исторической топографии Новгородского Детинца // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2016. Вып. 30. С. 29–42.
- Орлов*, 1965 — *Орлов С. Н.* К топографии и истории оборонительных сооружений Древнего Новгорода // Ученые записки НГПИ. Новгород: б. и., 1965. Т. 1, вып. 1. С. 3–52.
- Орлов, Воробьев*, 1959 — *Орлов С. Н., Воробьев А. В.* Оборонительные укрепления Древнего Новгорода. Новгород: Кн. ред. газ. «Новгород. правда», 1959. 55 с.
- Передольский*, 1910 — *Передольский В. С.* Краткий очерк состояния Велико-Новгородской старины в 1889 г. // Сб. НОЛД. Новгород: б. и., 1910. Вып. 3. С. 1–18.
- Петрова и др.*, 1999 — *Петрова Л. И., Трояновский С. В., Фирсова Н. Д.* О методике моделирования палеорельефа исторической территории (опыт построения модели палеорельефа Великого Новгорода) // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1999. Вып. 13. С. 173–191.
- Понсов*, 1981 — *Понсов В. А.* Отчет об археологических раскопках на территории Новгородского кремля в 1981 г. // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. № 1603. 1981.
- ПСРЛ, 1841 — ПСРЛ. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1841. Т. III: Новгородская третья летопись. 320 с.
- ПСРЛ, 1856 — ПСРЛ. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1856. Т. VII: Воскресенская летопись. 345 с.
- Раппопорт*, 1956 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 52). 184 с.
- Седов*, 1999–2000 — *Седов Вл. В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора в 1999–2000 гг. // НОА ИА РАН. Р-1. № 24174. 1999–2000.
- Стеценко*, 1993 — *Стеценко Н. К.* Раскопки в Новгородском кремле (на месте обрушения прясла Спасская — Княжая башни) // НиНЗ ИА. Новгород: НГОМЗ, 1993. Вып. 7. С. 18–33.
- Строков*, 1940 — *Строков А. А.* Полевой дневник // ГАНО. Ф. Р-3375. Оп. 1. Д. 3–6, 76. 1940.
- Строков*, 1945 — *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 68–73.
- Строков и др.*, 1939 — *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. // НИС. Новгород: б. и., 1939. Вып. 5. С. 3–17.
- Строков, Богусевич*, 1940 — *Строков А. А., Богусевич В. А.* Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (южная часть кремля) // НИС. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 3–18.
- Трояновский*, 1995 — *Трояновский С. В.* История изучения Новгородского кремля // НИС. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. № 5 (15). С. 89–111.
- Трояновский*, 1996 — *Трояновский С. В.* Научный отчет об археологических раскопках на территории Новгородского кремля в 1996 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 21153. 1996.
- Трояновский*, 1998 — *Трояновский С. В.* О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле в 1992–1996 гг. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 1998. Вып. 12. С. 58–70.
- Трояновский*, 2001 — *Трояновский С. В.* Новгородский детинец в X–XV вв. по археологическим данным: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Трояновский и др.*, 1997 — *Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К.* Раскопки на Владычном дворе Новгородского кремля // НиНЗ ИА. Новгород. 1997. Вып. 11. С. 12–18.
- Фараджева и др.*, 2014 — *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–160.

- Хорошев, 1984 — Хорошев А. С. Периодизация новгородской историографии XVIII — начала XX вв. // Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1984. Вып. 7. С. 57–88.
- Чернышев, 1956 — Чернышев Н. А. Отчет по археологическим наблюдениям за земляными работами при рытье траншей при реконструкции Театра драмы в Новгородском кремле за январь 1956 г. // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. Р-215. 1956.
- Штендер, 1966 — Штендер Г. М. Археологический обмер траншеи (вентшахта). План и разрезы траншеи // Научно-технический архив ГБУК ННРУ. № 3414–3416. 1966.
- Штендер, 1970 — Штендер Г. М. Чертеж // ОПИ НГОМЗ. Фонд М. Х. Алешковского.
- Штендер, 1987 — Штендер Г. М. Новгородский детинец X–XI вв. // Изучение истории и культуры Новгородской земли: Тез. докл. науч. конф. Новгород, 1987. С. 63–66.
- Янин, 1982 — Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Л.: Наука, Лен. отд., 1982. № 1 (11). С. 70–95.
- Янин, 2003 — Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: ЯСК, 2003. 508 с.

Archaeological investigations of the Novgorod Kremlin: problems, hypotheses, arguments

M. A. Rodionova

The archaeological investigation of the Novgorod Kremlin has been continuing for over hundred years. In comparison with the state of studies of the urban territory of Novgorod, excavated already for more than 80 years, it must be stated that the Kremlin has not been subjected to such a systematic research.

The Kremlin (*detinets* or a fortified complex) is a nonsimultaneous and multilayered site of architecture and archaeology. The state of studies of particular constituents of the Kremlin complex (architectural objects, defences, cultural deposits) is varied. The walls and towers of the stone *detinets*, as well as architectural monuments, are investigated archaeologically to a greater extent in connection with the practical restoration objectives, especially during the scientific restoration of the Kremlin first conducted in the 1950–1960s. The defences of the wooden *detinets* and cultural deposits in the internal area of the Kremlin are considerably more poorly investigated.

These circumstances, i.e. the irregular state of studies of different objects of the Kremlin complex and the insufficient investigation of its territory in general, are the reason why many questions of the history of the fortified area until now remain unsolved. First, this is true concerning its initial stage because of the practically absolute absence of information about it in written sources.

In the paper here presented, the major scientific problems of the Kremlin archaeology are considered which future investigations of this area must resolve.